

Орал

Арукенова

ФЕМИНИСТСКИЙ МОДЕРНИЗМ В РАССКАЗЕ МАГЖАНА ЖУМАБАЕВА «ПРЕГРЕШЕНИЕ ШОЛПАН»

Независимо от эпохи и описываемой социальной среды значительные произведения литературы остаются актуальными во все времена, поскольку затрагивают психологию и мотивацию человека. Вневременный характер рассказа Магжана Жумабаева обусловлен темой: внутренний мир и психология замужней женщины. Сюжет рассказа можно примерить и на сегодняшний день, и на советский период. Действительно, если бы рассказ Магжана Жумабаева увидел свет не в 1923 году, а в 2020-м, он бы, несомненно, стал объектом критики. Как может казахская женщина не желать ребенка в угоду безоблачного счастья с мужем? Как она смеет шутить с исламом: то верить в силу Всевышнего, совершая молитвы, то вовсе отказаться от религии? А как она смеет изменить мужу ради ребенка? Новаторство Жумабаева заключается в том, что его героиня – настоящая, живая женщина со своим пониманием женского счастья. Шолпан строит семейную жизнь по своим правилам, без оглядки на устоявшиеся традиции.

В эпоху модернизма, в конце XIX – начале XX века меняется отношение общества к женщине и соответственно трансформируются женские образы в литературе. Привычные образы «ангела» и «демонической женщины», удобные для классификации, уже не внушают доверия. Мария Кюри-Склодовская к тому времени заведует научной лабораторией в Сорбонне и дважды становится Нобелевским лауреатом по химии и по физике, значительно обогнав своих коллег-мужчин. Вирджиния Вульф публикует свой первый роман, таким образом постепенно умирает миф о женщине, единственной миссией которой является продолжение рода, и, как следствие, меняется отношение к ней как к объекту.

Героиня Жумабаева Шолпан нежно любит своего мужа и в некоторой степени поэтизирует свои отношения с ним. Но в отличие от литературного стереотипа «ангела» Шолпан не обладает идеальным чувством, присущим выдуманному образу, ведь идеальная женщина не стала бы просить Бога не давать ей ребенка ради сохранения гармоничных отношений с мужем. Хотя финал истории тот же, что у классических «ангелов» сентиментализма и романтизма: душа, здоровье и жизнь Шолпан разрушаются жестокостью общества. Образ «демонической женщины» из классической литературы соотносится с Шолпан лишь потому, что женщина

нарушает условности созданного мужчинами мира, хотя и делает это ради своего мужа. У героини Жумабаева свои пути достижения счастья, что и делает ее демонической. Мотивация Шолпан не укладывается в существующие устои общества, поскольку женщина лишена инерции патриархального самоограничения.

Если «Анну Каренину» Л. Толстого интерпретируют как пророчество разрушения христианских семейных ценностей, то Шолпан М. Жумабаева можно уверенно назвать предтечей казахского феминизма, ведь современная казахская женщина сама решает свою судьбу: выходить замуж или строить карьеру, рожать детей в семье или воспитывать их самостоятельно и т. д.

Эпоха модернизма известна не только десакрализацией патриархальных ценностей, но и тотальным антирелигиозным дискурсом. Идеи коммунизма и атеистический экзистенциализм как одно из направлений модернизма отмечены отказом от веры, которая обещает блага в другом, неизвестном и оттого нереальном мире и поощряет поверхностное, внешнее и чаще всего показное проявление религиозности. С первых строк рассказа мы замечаем ироничное отношение автора к внешним проявлениям веры: «Когда, алея подобно шелковому занавесу, с востока вставал рассвет, в тот час, когда другие люди, колотясь лбами о молитвенные коврики, валились на утреннюю молитву, прося у господ счастливого житья-бытья, неугасимого счастья, неисчислимых богатств и, конечно же, детей, Шолпан, горестно вздыхая, молила об обратном – чтобы он не давал ей ребенка. И просила она это не оттого, что по природе не любила детей; ее заботило то, чтобы между мужем и ею не прервалась благая нить любви, чтобы никто не покушался на их святое чувство, которое связало их узами крепче религиозных». Лирическое описание рассвета: «алея, подобно шелковому занавесу» переходит к описанию повседневности утренней молитвы: «колотясь лбами об молитвенные коврики». Сопоставляя два явления, автор иронизирует как над возвышенным пафосом своей героини по отношению к своим чувствам, так и над притворством тех, кто совершает утреннюю молитву. И как результат антитезы – Шолпан, которая, «горестно вздыхая», молит господ не давать ей ребенка, поскольку беспокоится о «благой нити любви». Узы «святого чувства» у женщины при этом крепче религиозных. Героиня Жумабаева свободна от стереотипов и условностей, она потакает своим чувствам почти как девушки эпохи сентиментализма, но в отличие от бедной Лизы или Гретхен Шолпан наслаждается физической любовью, а не страдает по выдуманному образу. Бог словно услышал ее молитвы и: «За эти три года и муж ее, похоже, не тосковал о ребенке, в течение этих трех лет он не желал никого, кроме Шолпан, кроме ее опаляющих, нежных, как купание в шелку, объятий. Казалось, его жизнь начиналась и заканчивалась с Шолпан, что она была его утренней и вечерней молитвой». Довольно эротичное сравнение любовных объятий с молитвой продолжает тему возведения чувственной любви к религиозному экстазу.

По мнению философов всех времен, специфику женского предназначения определяло материнство, ее привязанность к миру природы, а не культуры, которая оставалась прерогативой мужчины как более «свободного» существа. Психолог Карен Хорни отмечает: «С точки зрения социальной борьбы материнство можно рассматривать как помеху. В наше время, пожалуй, так оно и есть, но вряд ли дело обстоит подобным образом в те времена, когда человек был ближе к природе». К примеру, Аристотель в своем труде «Политика» писал, что

женщина – существо, обладающее душой более низкого порядка, чем мужская. Женщина – это материя, мужчина – душа. Шопенгауэр был уверен, что судьба женщины исчерпывается назначением служить распространению человеческого рода. Фрейд утверждал, что все психологические и, следовательно, социальные свойства человека проистекают из его биологии: «анатомия – это судьба». И хотя это справедливо как для мужчины, так и для женщины, женщина все же оставалась обреченной на вечную зависть к мужской анатомии. Карен Хорни оспаривает некоторые взгляды Фрейда, в частности, не соглашаясь с утверждением психоаналитика о женской зависти к мужской анатомии, выдвигает обратную идею, что это мужчины завидуют женской анатомии, способности вынашивать и рожать детей. В этом Карен убедили многочисленные сеансы психоанализа с пациентами-мужчинами. А если женщины и испытывают зависть к чему-то мужскому, пишет Карен Хорни, так это к власти над миром, достигнутой этим полом. При этом свойственное мужчинам стремление к преодолению трудностей и к достижениям вообще может быть всего лишь компенсацией их неспособности рожать детей, предполагает Карен. Героиня М. Жумабаева ломает все стереотипы о роли женщины в семье, она самостоятельно принимает решение не иметь детей, и хотя она ничего не делает ради этого, а лишь просит об этом Бога, решение это революционно для своего времени.

Согласно философии экзистенциализма, человек представляет собой лишь то, что он сам из себя делает. Как пишет Ж.-П. Сартр, «человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать». Так же и Шолпан устраивает свою жизнь как хочет и проживает три счастливых года. Но согласно второму принципу теории Сартра, человек ответственен не только за себя, он отвечает и за окружающих людей. В данном случае женщина думает о муже: «О том, что жизнь без детей – напрасно прожитая жизнь, она слышала от многих других людей, но не от своего горячо любимого мужа. Это еще более укрепляло молодую женщину в ее правоте. Ведь для влюбленных священны не суры Корана, а слово возлюбленного». Сравнивая суры Корана со словами возлюбленного, писатель словно испытывает своего читателя, лавируя на грани богохульства, что соответствует эстетике модернизма.

Однажды муж вернулся домой поздно: «Сарсенбай пристроился в постели рядом с женой и, смеясь, стал рассказывать ей, какие милые дети у Нуржана. Причем у него и в мыслях не было, что сам-то он бездетный. Его не волновало это обстоятельство, напротив, рассказывая о своем пребывании в доме Нуржана, он все время смеялся. И вот тогда-то у него как-то сама собой вырвалась фраза, что дом с детьми – базар, а дом без детей – мазар». Героиня Жумабаева не может уснуть всю ночь и принимает решение стать матерью ради счастья своего мужа. Чувства и эмоции героини находятся между физиологией и религией, теперь она по-настоящему совершает молитву, просит у Аллаха ребенка и изо всех сил ублажает Сарсенбая. Но господь не слышит Шолпан, хотя она «колотится лбом об молитвенный коврик» пять раз в день, так что окружающие называют ее «святошей».

Внешнее проявление веры не дает результата, и на восьмом году замужества Шолпан переходит к действиям. «Даже если она совершит грех глубже морской пучины и выше высоких гор, она должна сделать это! Господь должен простить прегрешение, совершенное ради благородной цели», – думает Шолпан.

Для осуществления своей цели Шолпан рассматривает нескольких мужчин и останавливается на молодом, здоровом мужчине благородного происхождения, Азимбае, который и сам который год добивался ее расположения. В результате они тайно встречаются, и Шолпан вскоре беременеет, но неожиданно попадает в психологическую зависимость от любовника и продолжает встречаться с ним. Шолпан не скрывает, что Азимбай нравится ей, но она так же любит своего мужа. Здесь мы видим перевертыш обычной ситуации женатого мужчины, который заводит любовницу и неожиданно оказывается между двух огней. Но патриархальное общество не склонно критиковать мужчину, скорее всего подвергнется осуждению его любовница.

Магжан Жумабаев словно гипертрофирует ситуацию, чтобы показать внутреннюю свободу Шолпан, но проблема в том, что замужняя женщина рассматривается как принадлежность мужа. И действительно, прознавший об измене жены «Сарсенбай, за восемь лет их жизни ни разу не обращавшийся к ней на ты, при встрече с ней теперь источает только холод. Мало того, по любому поводу обрушивается на нее с руганью. Да что там ругань, дело уже доходит до окриков, рукоприкладства». Как логический итог истории, Сарсенбай застаёт жену с любовником, но Азимбаю удается сбежать. Муж избивает жену до полусмерти. Шолпан умирает на следующий день, после того как женщины обливают ее сорока ведрами ледяной воды – «очищают» по совету ходжи Темира.

Как отмечал переводчик рассказа на русский язык, философ и писатель Ауезхан Кодар, имя героини «Шолпан» переводится как Венера, или утренняя звезда. Философ предполагал, что имя выбрано неслучайно и указывает на преждевременность появления героини. Действительно, героиня Магжана Жумабаева всем своим существом игнорирует патриархальную систему семейных ценностей. Она выбирает любовь и гармонию в семье, все её желания самостоятельны, а восприятие Бога лишено условностей. Как писал Ницше, архаическая форма религии – «это мысль, которая все прямое делает кривым». Точно так же автор рассказа отрицает не саму веру, а традиционные условности, которые противоречат жизни и подавляют жизненную силу человека. Эстетика модернизма представляет собой феномен обновления и отрицания патриархального строя, основанного в том числе на религиозной традиции. Рассказ Магжана Жумабаева эклектичен в художественном исполнении, он включает в себя эстетику реализма и модернизма. Элементы экзистенциализма, символизма, а также ярко выраженный феминистский характера рассказа показывает передовой дух времени и провидение автора. Рассказ «Прегрешение Шолпан» является актуальным произведением и на сегодняшний день, спустя почти столетие.

